

ВОСПРИЯТИЕ И ВООБРАЖАЕМОЕ КАК МОДУСЫ ПРИСУТСТВИЯ*

Исследуется соотношение различных сторон обращённого присутствия. Полученные непосредственные данные восприятия субъективного становятся содержательным пространством воображаемого. Здесь появляются модусы отношений, выявляющие качественные особенности движения воображаемого. Анализируются акценты иллюзорных образов и нарративных интриг. Исследуется понятие «точки зрения», «точки восприятия» и «квази-наблюдения в воображаемом».

Ключевые слова:

воображаемое, восприятие, иллюзия, «квази-наблюдение», нарратив, присутствие, субъективность, телесность, «точка восприятия», «точка зрения».

Султанов К.В., Суворов Н.Н. Восприятие и воображаемое как модусы присутствия // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 4. – С. 24–26.

© Султанов Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

© Суворов Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург; e-mail: suvorovnik@mail.ru

Репрезентация событий в воображаемом предстаёт как серия возможных миров, имеющих право на независимое представление в ментальном пространстве субъективного. **Многообразие форм восприятия** создаёт достаточно большой диапазон способности свободного фантазирования, расширяет процесс создания образов, которые дополняются чувственными данными. В планетарной природе субъективного заложены свойства серийности и повторяемости процессов, всплывают архетипы сознательного и бессознательного, переходящие на более ясные осознанные орбиты. Центробежные способности субъективного обостряют чуткое восприятие, которое собирает не только «образ бытия, данный в чистом созерцающем внимании» (Парменид), но также нарративные интриги, истории по краям, маргиналии, пронизывающие произведения искусства и культурные артефакты, создавая силовое поле смыслов. Бытие, выходящее из своей потаённости, дополняется процессами переживаний присутствия, получением потоков данных от восприятия. Бытие субъективируется в следующих процессах взаимодействия восприятия и воображаемого:

1. Восприятие обращено к бытию и включает полученные данные в сферу субъективного, в котором выстраивается воображаемое пространство бытия. В этом процессе содержание восприятия становится первичным по отношению к воображаемому. Доминирует изначальная установка на чуткую обращённость к бытию. Но возможен диапазон в обращённости

восприятия к воображаемому. Восприятие свободно формирует образ бытия и с помощью способности воображения включает чувственные данные в содержание воображаемого. Так, созерцание падающего снега за окном способно создать в ментальном пространстве воображаемый вид заснеженного леса и покрытую льдом речку. Но в восприятии возможны акценты, выделяющие акценты воображаемого как более свободного и независимого. Майская гроза, молнии и грохочущий гром способны вызвать воображаемый образ скачущего на колеснице по небу Ильи Пророка. Воображаемый Громовержец навеян нарративными смыслами, а восприятие явлений природы лишь их актуализирует, наделяя мифологическим смыслом. Воображаемое привязано к процессу восприятия и находится в диапазоне близких/далёких ассоциаций с чувственными данными.

2. Восприятие развёрнуто к уже созданному воображаемому творению, закреплённому как реальность, например, в готовом произведении искусства или в социальной утопии. Восприятие произведения К. Моне, ставящего своей целью выразить непосредственное впечатление, соприкасается с миром воображаемого, которое как «законченная модель» предлагается восприятию. В данном случае восприятие по отношению к воображаемому становится вторичным, обременённым уже готовым толкованием бытия, созданным художником в пространстве воображаемого. В данной вторичности восприятия также есть диапазон различий. Если у импрессионистов ставилась задача

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ), Проект № 15-06-10735а. «Социально-философский анализ манипулятивных технологий в образовании».

непосредственной передачи в произведениях своих впечатлений, и это выступало как продуманная программа, как концепция картины, то у символистов в работах преследовалась иная цель: с помощью символического образа или системы символов выразить своё воображаемое. Восприятие зрителя предстаёт перед созданным символическим воображаемым, требующим для своего освоения не только воспринимающих способностей субъекта, оценивающего качества живописи, но также возможность создать пространство собственного воображаемого, способного вступать во взаимосвязь с воображаемым миром художника. Маски и черепа как антропокультурные символы в произведениях символиста Джеймса Энсора «открывают и скрывают» воображаемые смыслы, имеющие непосредственную связь с концептом лицедейства, скрыванием лица или метафорой его полного отсутствия. Здесь скрывание лица акцентирует именно воображаемые смыслы, спрятанные под маской.

В процессе освоения уже созданного воображаемого, существующего как реальность, восприятие включается в процесс создания собственного воображаемого, имеющего отношение к данному субъекту. В этих процессах возможны ошибочные иллюзии, зависящие как от субъективных предпочтений, так и от объективных обстоятельств. Э. Гуссерль допускал возможность «иллюзорного восприятия», которое является результатом иллюзорной, сомнительной интенции [1, с. 72]. Восприятие и иллюзия являются почти неразличимыми в опыте субъекта. Иллюзорное постоянно вьётся в процессе восприятия, расцветивая его своей игровой интригой. Базовым оправданием воспринимающей способности остаётся тезис о телесной привязке субъекта к миру. Телесность нацелена на открытость миру, но её модальности определяют меру иллюзий. Горизонт смыслов образуется в самих способах открытия вещей и явлений и создаёт основу понимания: «Понимание в его характере наброска экзистенциально составляет то, что мы называем *смотрением* присутствия» [4, с. 146]. Воображаемое оказывается созданным на пересечении смыслов между воспринимающим присутствием и воспринимаемым бытием и на этой основе выстраивает меру отвлечённости. Субъективное присутствие с учётом его модусов можно представить как «расположение», «где оно разомкнуто себе самому до всякого знания и желания и вне рамок его размыкающего диапазона» [4, с. 136]. Для уточнения особенностей процесса восприятия

вещи или явления следует использовать понятие «точка зрения», которое определит ракурс восприятия и создание на его основе воображаемого. Таким образом, точку зрения субъективного можно представить как расположение или настроенность, как «точку восприятия». Расположение присутствия, равно как и настроенное состояние субъективного предстаёт раскрытием мира доопытному состоянию – «простому настроению», охваченному любопытством, желанием видеть. Присутствие размыкается, определяется реализацией возможностей, которые могут сосредоточиться и стать определяющим настроением, создающим общую панораму – смотрением из своей точки зрения. Так, типологию композиционных возможностей произведений искусства возможно исследовать с учётом «проблемы точки зрения» [3, с. 17], которая определяет подвижный ландшафт бытия образов, их перемещение, оценку и самооценку. В настроенной и вполне определённой оптике художника скрывается прямая и обратная перспективы в живописи, отстранённость и остранённость в литературе (В. Шкловский), «взгляд внутрь» в поэзии и музыке. Точка зрения в процессе восприятия, построенная из общего настроения, размечает ракурс ментального зрения и определяет интенцию воображаемого. Позиция субъективного определяется расположением и точкой зрения, задающей общее движение – «размыкающую вручённость миру» [4, с. 137]. Объятое бытием субъективное созерцает из своей точки, воображая недоступное и творя воображаемое.

Иллюзия близости не создаёт отождествления. Воображение движется иными путями, чем наблюдение. Внутренний взор видит иначе, чем глаз. Во внутреннем зоре есть избыточность образов, раздвигающих ментальное пространство, втягивая в свою орбиту мечты, фантазии и толкования. Пристальная детализация воображаемого, воспитанная медитативными практиками, создаёт иллюзию «квази-наблюдения». Действительно, можно воображать вполне конкретные детали, фрагменты предметов, манипулировать ими, создавать несуществующих, но правдоподобных монстров. Природа воображаемой реальности раскрывается в аналитической антропологии субъективности. В теоретической психопоэтике Е. Эткинд различает психический мир субъективного и вводит понятия: «внутренний человек» и «внешний человек». Содержание внутреннего, глубинного раскрывается в ментальном, скрытом и суверенном мире

26 субъективного, обладает собственной бесконечностью, которая сопрягается с бесконечностью бытия [5, с. 22], что касается внешнего параметра личности, то он конечен и вовлечён в суетность окружающего мира. Пространство воображаемого и параметры телесного связаны взаимной органикой, но их взаимосвязанность условна. И воображаемое, и воспринимаемое существуют в независимых параметрах.

Содержание художественного произведения раскрывается спиралевидно, охватывая новые витки информации и разворачивая произведение различными гранями к воспринимающему. События воображаемого обнаруживают свою вещественность, раскрываясь и существуя в сериях интерпретаций. Эти процессы характерны для центробежных движений в силовых полях субъективного. Телесность и вещественность восприятия оказывает обратное воздействие на экзистенцию субъективного, влияя на события и изменяя поступки. Процессы восприятия воображаемого как реального действительно превращаются во вторичную реальность, изменяя событийный мир, и преломляют своими смыслами трактовки исторических событий. Провокативность воображаемого стремится изменить логику бытия, внося в него существенные дополнения. Превращаясь в произведение искусства, художественно опредмечиваясь воображаемое представляет вереницу возможных миров, становящихся ключом к пониманию процессов и смыслов бытия. Известно, что русская литература активно влияла на умы студенчества и интеллигенции: роман Ф.М. Достоевского «Бесы» вызвал многочисленные самоубийства в среде студенчества, захваченного народофильскими идеями.

Модель субъективного пространства, понятого как планетарная система, помогает объяснить и наглядно представить появление в силовом поле новых смыслов и чувственных впечатлений, попадающих в сферу экзистенции, пробивая сопротивление и включаясь в природу, бывшую до этого посторонней. Событие – «вдруг» ... «настоящее чистого действия» [2, с. 221], испытывающее дефицит собственного места – дробит настоящее, оказываясь между прошлым и будущим.

Список литературы:

- [1] Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб.: Наука, 2006. – 88 с.
- [2] Делёз Ж. Логика смысла. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2011. – 472 с.
- [3] Успенский Б. А. Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000. – 348 с.
- [4] Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – СПб.: Наука, 2002. – 450 с.
- [5] Эткинд Е.Г. Психопоэтика: «Внутренний человек» и внешняя речь. Статьи и исследования. – СПб.: Искусство-СПБ, 2005. – 701 с.

Вторжение инородного впечатления или воображаемого мира способно шокировать, подобно неожиданной встрече, которая в виде крепкой связи закрепляется как целенаправленное центростремительное вхождение во внутренний мир субъективного. Такая встреча меняет реальность и рождается в воображаемом событии, побуждая к перестановке акцентов и, возможно, к радикальному пересмотру позиций. Результатом является взрыв в пространстве субъективного, перестройка и ответ на вторжение инородного «тела». Инсайт-прозрение движется к новым горизонтам ментального видения. Озарение-откровение происходит вследствие дополнительной информации, как переход в новое качество, неожиданное для субъективного сознания. Такого рода инсайт сопровождается сильным эмоциональным чувством – встречей с неизвестным. Переоценка ценностей, пересмотр позиций, переосмысление концептов становятся результатом встречи с реальным или воображаемым событием, с «человеком-событием». Так, случайная встреча В. Маяковского с Д. Бурлюком перевернула ценностный и смысловой мир начинающего поэта. Из прежнего поклонника поэзии А. Блока Маяковский превратился в убеждённого авангардиста. Событие способно резко изменить горизонт воображаемого. Раскольников не подозревал последствий своих переживаний после совершённого убийства старухи-процентщицы, его воображаемое геройство быстро превратилось в муки раскаяния. Воображаемое изменяется не преднамеренно, но постепенно, вследствие полученного опыта. Галактика субъективного предстаёт в сложной совокупности планетарных образований, которые можно представить как знания, ценности, фантомы, концепты, нарративы и мифы – всё содержание воображаемого, не аморфного, единообразного и рядоположного, но структурно разделённого, вращающегося по своим орбитам в силовом поле субъективного. Природа события также может быть рассмотрена как планетарная модель. Вокруг сборки событийного пространства вращаются восприятие и воображаемое.